

Елена Дымченко
Шаман
Старушка и алабай
Часть вторая

Елена Дымченко
Шаман. Старушка
и алабай. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110723

ISBN 9785005119865

Аннотация

Вторая часть трилогии Елены Дымченко о приключениях собаки породы алабай по кличке Шаман и его друзьях, и недругах. В маленькой глухой деревушке жизнь текла размеренно и довольно скучно, пока баба Света не встретила по дороге домой бездомного алабая. Именно появление этой собаки повлекло за собой череду событий, которые кардинально изменили жизнь жителей этой деревни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Шаман. Старушка и алабай

Часть вторая

Елена Дымченко

Редактор Галина Пырх

© Елена Дымченко, 2021

ISBN 978-5-0051-1986-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Баба Света с дедом Степаном уже давно жили одни. Их небольшой домик притулился на самом краю деревни. В последнее время они стали замечать, что вещи у них словно бы сами с места на место начали передвигаться, а иногда и вовсе пропадать. Поняли старики, что в их отсутствие кто-то из односельчан повадился лазить к ним на подворье, а кто – неизвестно. Были у них, конечно, подозрения, да ведь не пойман – не вор...

Как-то раз возвращалась баба Света из сельмага домой. Пошла напрямик, узкой тропинкой, и встретила огромного пса. Белый, грязный, с крупной, как у медведя, башкой, он лежал прямо на дороге. Баба Света сроду таких здоровенных собак не видела, у них-то в деревне они, в основном, были мелкие, неказистые. Остановилась она, страшновато ей стало – такой как схватит, так полруки долой. Обойти его никак не получится, а домой-то надо, не возвращаться же назад, чтобы по другой дороге пройти, это ж крюк километров пять, да с тяжелой сумкой, не девочка ведь уже...

Пёс лежал спокойно и кидаться на неё, вроде бы, не собиравался, но уж больно был страшен с виду, да и вставать и уступить дорогу явно не торопился.

– Эй, супостат, чего тут разлёгся, дай пройти! – строго сказала баба Света, а у самой поджилки трясутся, и голос

подвёл, дал петуха на последнем слове.

Пёс внимательно посмотрел на неё и вздохнул. Потом, с трудом поднявшись, отошёл на пару метров в сторону и снова растянулся на земле.

Когда он встал, баба Света обратила внимание на его сильную худобу, которую не могла скрыть даже густая, грязно-белая шерсть. Да и по тому, как собака двигалась, было заметно, что чувствует она себя не очень, то ли ослабела совсем от голода, то ли больна чем, а может, просто старая.

Баба Света хотела было пойти дальше своей дорогой, но вместо этого полезла в сумку и стала искать, чего бы дать псу, уж больно жалко его стало. Достав буханку чёрного хлеба, она отломил четвертинку и кинула кусок со словами:

– На, поешь.

Собака подняла голову, с недоверием взглянула на неё, но дотянулась до угощения и проглотила его за секунду. Она явно ждала продолжения, потому что, не отрываясь, смотрела на сумку.

«Вот дура старая, – подумала баба Света. – пожалела, на свою голову, сейчас как кинется, харчи отберёт, да и мне достанется!»

Но пёс не двигался, только перевёл взгляд с сумки на лицо старушки, и она увидела в его глазах такую тоску и печаль, что страх у неё как рукой сняло. Отломив ещё кусок, снова бросила псу, и он так же молниеносно исчез в огромной пасти.

«Весь хлеб сейчас съест, – мелькнуло в голове у бабы Светы, – да и хрен с ним, дома ещё полбуханки есть». – И она отдала собаке то, что осталось.

После этого повернулась, чтобы идти домой, но вдруг услышала за спиной какой-то шорох. Испуганно оглянувшись, старушка увидела, что пёс встал и с мольбой смотрит на неё. Сделав несколько шагов к ней, он остановился. Сердце её сжалось от жалости: бедолага, хоть и страшен с виду, но ведь душа-то живая...

– Ладно, пойдём со мной! – со вздохом сказала она и пошла по тропинке, пёс двинулся за ней.

Когда они приблизились к дому, дед Степан колот дрова. Увидев бабу Свету и следующую за ней по пятам громадную собаку, он решил, что жену надо спасать. Прихрамывая, со всей возможной для себя скоростью дед выбежал за калитку и встал, держа топор наперевес, готовый к бою.

Баба Света, увидев вооружённого мужа, перепугалась не на шутку:

– Ты что, старый, совсем ополоумел? Чего делать-то собрался?

Она приостановилась, пёс тоже.

– Беги, Светка, быстрее, я его сейчас порешу!

– Кого порешишь, его?

Старушка обернулась: пёс как-то неловко, боком сидел на дороге – видимо, ноги плохо его держали, – и, не мигая, смотрел на её мужа.

– Брось топор, дурак старый, со мной он.

Дед Степан даже рот раскрыл от изумления:

– Совсем сдурела? Таковую зверюгу в дом вести! Он же ночью сожрёт нас обоих и косточек не оставит! Жить надоело?

– Топор-то опусти, Стёпа. Плохой он совсем, то ли старый, то ли больной, пусть в сарае поживёт. Жалко мне его стало, живая душа не должна одна на дороге помирать.

Дед, опустив топор, посторонился, но ворчливо пробурчал:

– Жалостливая ты у меня больно, Светка, как бы потом не пожалеть об этом, вон какой он здоровущий.

Вернувшись во двор, он положил топор на поленницу и открыл дверь старого покосившегося сарая.

– Веди уж сюда, нехай тут на соломе отлежится.

Баба Света зашла во двор, затем в сарай, пёс следовал за ней. Поворошив солому и собрав подстилку потолще и помягче, она сказала:

– Давай, дружок, ложись здесь, сейчас поесть тебе чего-нибудь соберу.

Пёс с облегчением растянулся на соломе и прикрыл слезящиеся глаза.

Баба Света ещё минуту посмотрела на него, жалостливо вздохнула и пошла в летнюю кухню приготовить еду для нового постояльца.

Налив в большую миску вчерашнего супа и покрошив туда же оставшуюся заначку хлеба, она отнесла получившуюся

похлёбку псу.

– На вот, поешь, – подсунула миску ему под нос. – Сколько же тебе еды-то надо, такому громиле? Придётся, видно, старую козу зарезать, всё равно собирались, толку от неё уже нет, а тебе ведь мясо надо.

Пёс съел всё до крошки и, вылизав дочиста миску, удовлетворённо закрыл глаза.

– Намаялся, сердешный, ну, отдыхай. Вот тут тебе воды налила, если что.

Поставив ведро с колодезной водой недалеко от задремавшего пса, старушка на цыпочках, чтобы не разбудить собаку, покинула сарай.

Глава 2

С обедом в этот день баба Света припозднилась – хлеба-то не осталось, как и супа, поэтому пришлось на скорую руку лепить пельмешки, которые можно есть и без хлеба.

Стоя спиной кдеду Степану, она мыла посуду и как бы между прочим спросила:

– Как там коза наша, Манька?

– А что Манька? – насторожился дед. – Как всегда. Вчера сослепу в стенку сарая врезалась, совсем уже одряхла кормилица наша. Катька, стерва, её обижает, к кормушке не подпускает; что за характер скверный у этой молодой козы, слишком уж ерепенистая и злющая, до одури.

– Зато молоко какое у неё вкусное, жирное, а Манька совсем сдавать стала, может, пора её уже того...

– Чего «того»? Порешить, что ли? Да, я тебе давно говорю, а ты «не надо, не надо, жалко, пусть поживёт ещё», а тут вдруг сама предлагаешь...

Баба Света начала усиленно оттирать сковородку.

Так и не дождавшись ответа, дед Степан пожал плечами:

– Ну, раз сама предлагаешь, сегодня же ипорешу. Петрович мяса просил на тушёнку, можно будет ему продать половину. Нам с тобой вдвоём столько не съесть.

– Обойдётся твой Петрович, у нас свой болящий объявился, надо его подкормить, – не выдержала баба Света.

– А, понял теперь. Значит, козой собралась этого пса откармливать. Ну, ты, мать, совсем с катушек съехала! Кто это собак голимым мясом кормит? А когда коза кончится, кем его кормить будешь, может, мной? – закипятился старик.

– А чем его кормить предлагаешь? Картошкой? Он же собака, ему мясо надо. Вон, у нас крупа, ещё с прошлого года припасённая, осталась, думала, курам отдать, а теперь сгодится – кашу ему варить буду. Тогда ему этой козы не на один день хватит. Да и не протянет он долго, сам же видел – еле ходит. Пусть хоть перед смертушкой порадуется.

– Вот недаром моя мать тебя сумасшедшей считала, всех болезных да убогих подбираешь, всю жизнь так! – сплюнул дед Степан и заковылял к выходу.

– Козу-то порешишь? – крикнула вслед мужу баба Света. Тот ничего не ответил, но вернулся за большим ножом и бруском для заточки.

Когда он вышел, баба Света присела на табурет и облегчённо вздохнула:

– Ну и слава богу! Может, сослужишь, Манечка, службу напоследок, спасёшь душу собачью.

Пока дед Степан в хлеву разбирался с козой, баба Света оставалась в хате. За всю свою жизнь она так и не смогла привыкнуть смотреть на то, как лишают жизни домашнюю скотину, хотя и понимала, что её для того и держат.

Выйдя, наконец, во двор, она решила заглянуть в сарай, чтобы узнать, как там пёс, живой ещё, или уже нет. Она

зашла внутрь, подождала, пока глаза привыкнут к темноте, но с удивлением обнаружила, что собаки в сарае нет.

«Куда же этот супостат делся?» – заволновалась баба Света и приступила к поискам.

Калитки на улицу и в огород были притворены, значит, он был где-то здесь. Но, обойдя дом изаглянув во все потаённые места, куда мог бы спрятаться этот огромный пёс, она нигде его так и не обнаружила.

«Пойду у Стёпы спрошу, может, видел, куда он подевался», – решила старушка.

Зайдя в хлев, она обомлела. Деда Степана здесь не было, зато приведённая ею собака, лёжа на полу, с наслаждением обгладывала подозрительно большую кость. Подняв на бабу Свету глаза и отвлёкшись всего на минуту, пёс плотоядно облизнулся и снова продолжил своё кровавое пиршество.

– Батюшки-светы, что ж ты натворил-то, убивец! – выдохнула старушка, испуганно прикрыв рот рукой, и заголосила уже в полный голос: – Стёпушка, муж мой любимый!

Выскочив из хлева, она сделала несколько шагов, но ноги её подкосились, и, упав на траву, она забилась в рыданиях.

– Стёпушка, прости меня, дуру глупую! Как же я теперь без тебя буду, осталась одна-одинёшенька! Не послушала тебя, принял ты по моей вине смерть лютую...

Тень упала сверху на бабу Свету; решив, что пришёл и её час, она зажмурила глаза – бежать сил не было.

– Ты чего тут разлеглась-то, по ком причитаешь? – раз-

дался вдруг за её спиной ворчливый голос мужа.

Обернувшись, она увидела оплакиваемого супруга. Присев рядом и положив руку ей на плечо, он с удивлением смотрел на залитое слезами лицо жены. Затем, переведя взгляд на двери хлева и обратно, вдруг прыснул в кулак:

– Ну, ты, Светка, и дура у меня!

– Стёпушка! Я уж такое подумала, такое!!! Решила, что это он тебя доедает, я же долго в хате сидела. Слава богу, жив ты, мой соколик! – кинулась баба Света на грудь мужу.

– Тихо ты, тихо, свалишь своего соколика с ног-то! – засмеялся дед Степан. – Пришёл твой дружок на раздачу, я как раз мясо рубил, ну так он жалобно смотрел, так смотрел, что отдал я ему голяшку погрызть. А ты чего подумала?

– Ой, да что теперь говорить-то, жив ты, мой Стёпушка, здоров!

Припав к мужу, она всё никак не могла успокоиться после пережитых страшных минут.

– Ладно, давай подымайся, горлинка моя, а то твоему соколику тебя уже не поднять.

Дед Степан помог бабе Свете встать на ноги и, обняв за плечи, довёл до крыльца.

– Давай-ка, садись, отдышись, – усадил он жену на ступеньку. Сам присел рядом и начал крутить самокрутку.

Баба Света всё не могла наглядеться на своего Стёпушку.

– Ну, ты прям как в молодости, глаз с меня не сводишь, – усмехнулся тот.

– Дык, попрощалась уже с тобой, а ты вот он, рядом сидишь, – не могла нарадоваться она.

Из хлева с костью в зубах вышел пёс. Увидев парочку около дома, он подошёл к ним, улёгся неподалеку и продолжил глотать кость.

– Ну здоров, просто медведь, – не удержался от комментария дед Степан, – как ты не испугалась, не сбежала-то от него?

– Испугалась, ещё как, а потом в глаза ему заглянула, а там такая тоска, такая боль, что весь страх и прошёл. Да и бежать-то особо некуда было, – засмеялась баба Света, вспомнив встречу с псом.

– Добрая ты у меня, за что и люблю тебя, Светка, но в сельмаг завтра вдвоём пойдём, а то и вправду медведя домой притащишь, знаю я тебя. А Петрович обойдётся без нашего мяса, пускай у Семёновны купит, у неё и коза помоложе нашей будет.

Глава 3

На следующий день баба Света встала, как обычно, спозаранку, чтобы выгнать коз навстречу дежурному пастуху, который поутру собирал всю поселковую скотину и гнал её на луга пастись.

Своего пастуха в деревне не было, поэтому на сходе односельчане решили, что будут пасти живность по очереди. От такого расклада выигрывали все – и скотина травку свежую жевала, и на пастухе экономили.

Сегодня дежурным был дед Петька, шепутной старик с другого края деревни. Ох и красавец он был в молодости, все девки по нему сохли, да уехал в город и вот только под старость, как мать схоронил, так и вернулся. Один, с потухшими глазами и с какой-то неизбывной тоской во взгляде. Попивал Петро крепко, но работник был знатный, на все руки мастер.

По молодости воевали они со Степаном из-за черноокой Светки, икак знать, кого бы она выбрала, если бы Петька тогда в город не умёлся за большой деньгой. Даже сейчас, уже на старости лет, при одном только виде бабы Светы у него начинали плясать былые чёртики в глазах, лицо светлело, молодедело, и становился он похож на прежнего ясноглазого Петьку.

– Причепурилась уже? – язвительно просипел дед Степан

с кровати, наблюдая, как баба Света вяжет на голову беленький платочек. – Там тебя уже Петька твой, поди, заждался.

– Постыдился бы, старый, глупости говорить, – проворчала та в ответ, но с укладыванием складочек всё-таки поспешила. – Сам тогда коз выгоняй, если хочешь.

– Иди уж, егоза.

Баба Света вышла во двор, чтобы отворить хлев. Выпустив своё блеющее стадо из пяти рогатых душ, она увидела стоящего возле сарая пса. Опустив голову, он немигающим взглядом смотрел на сбившуюся в кучу скотину. У бабы Светы сердце ушло в пятки:

«Вот дура, надо было его сначала в сарае притворить. Он же за ночь, поди, оголодал, сейчас порешит моих кормилиц. Как отбивать-то буду у него?..»

Пёс подошёл поближе, и она уже открыла было рот, чтобы позвать мужа на помощь, но, увидев, что он лёг в стороне и живодёрствовать, вроде бы, не собирается, потихоньку погнала коз к выходу.

Пёс провожал каждую козу долгим взглядом, как будто хотел сосчитать их и запомнить, как они выглядят.

– Наши это козы, дружок, наши, их обижать нельзя, – сказала ему со всей возможной строгостью баба Света и, открыв калитку, выпустила их навстречу небольшому стаду, которое уже собрал дед Петька.

– Утро добренькое! – поприветствовала она его. – Как жив-здоров?

– Помаленьку, Светик, помаленьку! – ответил ей с улыбкой бывший ухажёр. – Как сама, красавица?

В Петькиных глазах запрыгали те самые чёртики.

– Красавицу нашёл... Была, да вся вышла...

– Для меня ты всегда красавица.

– Вот трепло... Ещё за околицу меня позови, как стемнеет, – засмушалась вдруг баба Света.

– А придёшь? – тут же спросил дед Пётр, улыбаясь. – Я бы тебя до самой зорьки ждал.

– Вот же малахольный, каким был, таким и остался, время тебя не берёт. Принимай давай коз, тороплюсь я.

Пётр не унимался:

– Стёпка твой дрыхнет, что ли, ещё? Всё-то ты сама да сама крутишься, вон, забор починить надо, что же твой ленился? Может, прийти, помочь?

Баба Света ничего не ответила; чтобы скрыть своё смущение, она повернулась к нему спиной и пошла к дому, при этом не могла не заметить, как дёрнулась, закрываясь, белая занавеска на окне – подглядывал за ней Стёпка-то.

«Вот уж и смех, и грех, – усмехнулась она про себя, – о душе надо думать, а они всё, как петухи», – и, пряча улыбку в платочек, затворила за собой калитку.

Зайдя в летнюю кухню, баба Света стала думать, в какой же кастрюле варить кашу для собаки. Прикинув, что такому великану еды надо много, она выбрала самую большую и поставила варить бульон.

Выйдя во двор и увидев пса, дремавшего возле сарая, она решила налить ему свежей воды. Он поднял голову и, не отрываясь, смотрел на неё. Баба Света подошла и протянула руку, чтобы тот её обнюхал. Откуда она узнала, что так надо делать, и сама не могла бы сказать, но почему-то решила, что надо именно так.

Пёс потянулся и стал обнюхивать её руки. Немного поколебавшись, старушка робко погладила его по голове; он закрыл глаза и не двигался. Тогда, осмелев, она начала гладить его по голове, по шее, по спине, вполголоса приговаривая:

– Ничего, ничего, Дружок, всё будет хорошо, ты теперь не один.

Баба Света расстаралась и сварила для собаки такую наваристую кашу, что дед Степан не удержался и тоже попробовал.

– Ну, мать, всем кашам каша, почему мне такую не варишь? – облизывая ложку, спросил он.

– Дык, не знаю, – растерялась хозяйка, – ты это, Дружку-то оставь, а то навалился, я тебе вон, драники жарю.

– Дружку? – удивился дед Степан. – Ничего себе, Дружок! Вот у Пантелеевны – Дружок, а этому имя надо посерьёзней, может, Потапычем назовём, на косолапого уж больно спереди похож.

– Не-а, пусть будет Дружок, мне так больше нравится.

– Ну, Дружок так Дружок, – согласился дед Степан. – А ты чего так долго с Петькой балакала, об чём говорили? Так

и крутится возле тебя, окаянный.

– Когда это он крутился? Совсем ты на старости разум потерял; лет-то намсколько уже, а он всё Отеллу из себя изображает.

– Знаю я его, больно ушлый да бесстыжий. Зенки, помню, свои выкатит, а вы, девки, так и сохли по нему.

– Да когда это было-то... И не сохла я по нему вовсе, мне ты всегда люб был.

Баба Света улыбнулась и приобняла мужа за плечи. Дед Степан не поддался на женину уловку:

– Ты мне зубы-то не заговаривай, лиса. Так об чём балакали?

Баба Света отвернулась к плите и начала ворочать на сковородке драники:

– Да так, ни о чём, вызывался с забором помочь.

У деда Степана окончательно пропал аппетит; стукнув в сердцах ложкой по столу, он вскочил с табуретки:

– Чтоб я этого малахольного и близко возле дома не видел! С забором он хочет помочь... Пустобрёх.

Баба Света не испугалась, – она хорошо знала нрав своего вспыльчивого, но отходчивого мужа, – и сказала примирительно:

– Стёпа, ну хватит тебе кипятиться, людей-то не смеси. Я пойду Дружку поесть дам, а ты тоже давай закругляйся, – в сельмаг надо сходить, хлеба нет, да и крупы нужно подкупить. Ты же со мной хотел пойти.

– Пойду, пойду, тебя одну разве отпустишь, – пробурчал дед Степан.

Глава 4

Баба Света отложила Дружку из кастрюли половину каши, оставив вторую часть на вечер, и пошла его кормить. Пёс ел с таким аппетитом, что её сердце радовалось: вот ведь, смогла ему угодить.

– Ешь, Дружок, ешь, набирайся сил.

Забрав у него вылизанную дочиста миску, старушка погладила пса по голове и пошла собираться в магазин.

Уже на выходе она засомневалась:

– Стёп, как думаешь, может, Дружка в сарае лучше закрыть, а то ещё натворит чего?

– Чего он натворит? Ты кур прикрыла, огород закрыла? Пусть во дворе будет, нехай охраняет, кашу отрабатывает, тем более что и делать-то ему ничего особо не надо. Кто полезет, увидев такого медведя? Я бы точно не полез.

– Ну и ладно, действительно, пойдём быстрее, провозились мы с тобой. Успеть надо, а то Надька повадилась в последнее время пораньше закрываться.

Старики проверили, надёжно ли закрыта калитка, и отправились в поселковый магазин. Пёс, выйдя из сарая, проводил их глазами, затем лёг возле крыльца.

Возвращаясь из сельмага, уже на подходе к дому они услышали доносящиеся с подворья истошные крики:

– Помогите! Спасите! Убивают!

– Господи-святы, что там такое? – охнул дед Степан и припустил со всех ног. Баба Света кинулась за ним.

Когда запыхавшиеся старики открыли калитку и вбежали во двор, то увидели такую картину. На поленнице дров, прижав колени к груди, сидел молодой человек, с виду городской, и голосил, как оглашенный:

– Спасите! Помогите!

Внизу в вальяжной позе развалился Дружок. Он лежал, казалось бы, совершенно расслабленно, но, услышав бабу Свету и деда Стёпу, приподнял голову и посмотрел на них, будто спрашивая:

«Ну, и что прикажете с ним делать?»

Старики затоптались у калитки, не зная, как поступить. Пёс вроде агрессии не проявлял, но и командовать им было страшновато – кто его знает, как он отреагирует.

Дед решил сначала поговорить с попавшим в ловушку незнакомцем:

– Эй, парень, и давно ты тут голосишь?

Тот замолчал и ошалело уставился на хозяев.

– Ты чей будешь, что-то я тебя не припомню? – продолжила дипломатические переговоры баба Света.

Неизвестный нервно сглотнул и ответил:

– Ничей я, сам по себе.

Баба Света с дедом Степаном недоумённо переглянулись: село жене город, все друг друга знают, а тут, здарсьте вам, «ничей» он...

– А как ты здесь оказался и что делаешь в нашем дворе? – дед Степан подозрительно сверлил взглядом нежданного гостя.

У парня забегали глазки, он снова нервно сглотнул.

– Ну, это... я мимо, типа, проходил, хотел водички попросить попить, а тут ваша собака меня чуть не сожрала, еле спасся вот, – его голос неожиданно начал крепнуть: – Развели собак, людям пройти не дают, почему он у вас без намордника и без поводка? – визгливо вскрикивая в конце каждого слова, совсем разошёлся «прохожий».

От такой наглости старики даже растерялись.

– Без чего, без чего? – переспросил дед Степан.

– Без намордника! – голос незнакомца сорвался на визгливый вопль.

От его нервного ёрзанья вдруг одно полено скатилось вниз, за ним второе... Парень испуганно замолчал и, боясь пошевелиться, замер на своём насесте. Баба Света с дедом Степаном вместе с ним с замиранием сердца следили за траекторией полёта каждого падающего полена.

Пёс же, склонив голову набок, внимательно наблюдал за малейшим изменением в дислокации устроившегося на дровах пленника. После того как поленопад прекратился, а тот так и остался сидеть в своём неустойчивом убежище, Дружок разочарованно вздохнул, облизнулся и положил голову на лапы – этот пёс умел ждать. Парень опять нервно сглотнул.

– Тётя Светка, а тётя Светка! – послышался вдруг торопливый женский голос. – Что тут у вас за шум-гам?

Старики дружно обернулись и увидели заглядывающую в калитку соседку, вездесущую Стешку.

– Тю, – протянула она изумлённо. – Матерь божья, чем это вы тут занимаетесь?

Стешка хотела было зайти во двор, но поднявшийся во весь рост пёс заставил её тут же передумать. Быстро юркнув обратно, она захлопнула за собой калитку.

– Тётя Светка, а тётя Светка, чего там у вас? – снова раздался с улицы её изнывающий от любопытства голос.

Старики снова переглянулись, не зная, что ей ответить.

Стешка не могла позволить себе остаться без информации, поэтому вскоре за забором послышался поспешный топот, какая-то возня, затем грохот и яростный женский матерок. После этого над забором внезапно вознеслась Стешкина голова. Вцепившись в верхний край досок побелевшими пальцами и яростно сдувая с лица прядь волос, выпавшую из-под съехавшей набок косынки, Стешка взором опытного полководца быстро окинула поле действия и сразу же оценила расстановку сил. Глаза её загорелись, ноздри раздулись, она чуть не лопалась от жгучего интереса к происходящему.

– Ну, ты, Стешка, просто Шварценеггер какой-то, – усмехнулся дед Степан. – На чём там повисла-то?

– Да так, ведро тут какое-то старое валялось. Что тут у ва... – не успев закончить фразу, Стешка с грохотом низ-

вергнулась вниз, за забор, в неизвестность.

– Ты там не убилась? – забеспокоилась баба Света. – Что ты, как пацанка, по забору-то лазишь, он у нас и так еле стоит, завалишь ещё. Ты давай зайди, что ли.

– Ага, щас, один вон, гляжу, уже зашёл, сидит теперь на дровах, отдыхает. Щас я... – слышался с улицы запыхавшийся голос Стешки.

Через минутеё голова вновь вознеслась над забором.

– Вот, так-то лучше, – удовлетворённо пробормотала она и, утвердившись, наконец, в своей шаткой позиции, затараторила:

– Так, что это у вас тут деется? Чего Кирюшку-то Танькиного в плен взяли? А что за собака такая страшная у вас? Она кусается? Где взяли? Почему я её раньше не видела? Что с Кирюшкой делать собираетесь? Почему он на дровах придулился? Он чего-то натворил? А пёс его покусал? В больницу повезёте парня? А зачем вам собака? А почему...

Она спрашивала коротко, быстро и по делу: вероятно, ожидая очередного своего крушения из-за неустойчивого ведра, времени решила не терять.

– Хватит тарыхтеть! – поморщился дед Степан. – Голова сейчас от тебя разболится. Так ты говоришь, это Танькин племянник, Кирюшка? Да уж, вымахал малец, и не узнать.

Он повернулся к парню, который побелел, и было очень похоже, готов был свалиться в обморок.

– Светка, – повернулся дед к жене, – притвори-ка собаку

в сарае, пора Кирюшку освобождать, а то он совсем сомлел.

Баба Света сделала большие глаза и беспомощно развела руками, давая понять мужу, что не представляет, как выполнить его просьбу.

– Притвори, притвори, – глядя ей в глаза, с напором снова повторил дед Степан. – Дружок, иди со Светкой, – обратился он к собаке; и послышалось в его голосе что-то такое, что пёс встал и перевёл вопрошающий взгляд на старушку.

– Пойдём со мной, пойдём, – засуетилась та и направилась к сараю; пёс двинулся за ней.

Сделав несколько шагов, он обернулся и исподлобья посмотрел на бывшего пленника, который, не в силах больше усидеть на своём насесте, уже совсем было собрался свалиться наземь.

– Дружок! – позвала баба Света собаку.

Дождавшись, пока пёс зайдёт в сарай, она погладила его по голове и негромко сказала:

– Молодец, Дружок, спасибо тебе. Ты побудь здесь, пока Стёпа там с парнем этим разберётся.

Глава 5

Закрыв сарай на задвижку, баба Света вернулась на поле боя.

– Ну, ты слезешь, наконец, или так и будешь там сидеть? – спросил дед Степан Кирилла.

Тот медленно сполз с поленницы и, не глядя ему в глаза, начал топтаться на месте, чтобы размять затёкшие ноги.

– А ты так и будешь там висеть? – обратился старик к затаившей дыханиесоседке.

– Ой, да задумалась чтой-то, – заторопилась Стешка, и её голова, наконец, перестала парить над забором.

– Задумалась она... – пробурчал себе под нос дед Степан.

Стешка не заставила себядолго ждать и быстро забежала во двор, на ходу поправляя на голове косынку.

– Ну, что тут у вас за «Игра престолов»? – не в силах больше сдерживать своё любопытство, выпалила она.

– Какая ещё игра престолов? – с недоумением спросила баба Света.

– Да неважно, так, фильм один... Что у вас тут случилось-то? Почему Кирюшка на дровах сидел, и откуда собака взялась?

Дед Степан досадливо поморщился: он не мог сообразить, как ему спровадить эту сороку так, чтобы не обидеть, а то ведь у неё такой язык, что сам потом не рад будешь – уж

больно их соседка была обидчивой и мстительной.

– Мамка! Ты здесь?

Калитка приоткрылась, и в щель протиснулась девочка лет десяти.

– Чего тебе? – раздражённо спросила Стешка.

– Тебя батя ищет, – ответила девочка и многозначительно добавила, шмыгнув носом: – Сильно ищет, сказал, сию минуту не придёшь – пожалеешь...

– Вот чёрт, – не смогла та сдержать досады, – ладно, иду... Тётя Света, а может, я вечером загляну, клубнику тебе принесу, новый сорт у меня, такая сладкая... – она запнулась, покосившись на сарай, где была закрыта собака: – Хотя нет, может, завтра в сельмаге тебя поймаю.

И, раздосадовано махнув рукой, пошла вслед за дочерью.

– Слава тебе, господи! – облегчённо вздохнул дед Степан после того, как соседка скрылась за калиткой. – Умелась во-свояси... Вот же проныра, просто заноза в заднице.

Он повернулся к парню:

– Ну, что, Кирилл, поговорим?

Тот обречённо вздохнул.

– Значит, ты племянник Танькин, Маринкин сын? А говорил, ничей, – приступил к беседе дед Степан. – И что же ты, Маринкин сын, забыл в нашем дворе?

Кирилл шмыгнул носом и, не глядя собеседнику в глаза, гнусаво завёл:

– Сказал же уже, водички зашёл попросить попить, а тут

из сарая вышел этот... – он запнулся, не зная, как назвать собаку. – Не было его раньше здесь. Пришлось спастись от него.

– Не было здесь, говоришь? А ты откуда знаешь? Уже за-
хаживал раньше? – старик, не отрываясь, глядел на парня,
пытаясь поймать его взгляд, но тот упорно смотрел себе под
ноги. – Чего молчишь-то, к тебе обращаюсь! – сказал он, на-
чиная сердиться.

Кирилл открыл было рот, но тут же закрыл, видимо,
не найдя, что ответить.

– И как же ты зашёл водички попросить, если калитка бы-
ла заперта? Если заперто, значит, никого дома нет. Как ты
во двор-то попал? – наседал на него дед Степан.

Парень покраснел, вскинул глаза, в которых промелькну-
ло отчаяние, и сказал:

– Через огород я прошёл, сзаду.

– Кто же к незнакомым людям «сзаду» ходит? Темнишь
что-то, хлопец. И как долго ты к нам «сзаду» в гости ходишь?
Ты к Татьяне-то когда приехал? Давно здесь уже?

Кирилл снова опустил глаза и, видно было, отвечать не со-
бирался.

– Ясно с тобой всё, – вздохнул дед. – Тебе зачем инстру-
мент-то мой понадобился? Мне сын его на юбилей подарил,
заморский, добротный, а ты украл.

Парень зыркнул исподлобья и глухо сказал:

– Не брал я у вас ничего, наговариваете на меня.

– Да что ты? Наговариваю? Сроду у нас в деревне воровства не было, а тут ты такой ушлый, городской, приехал, и у меня сразу набор ключей пропал, а затем и дрель. Совпадение, что ли?

Кирилл молчал.

– Тебе-то он зачем? По рукам вижу – не плотник ты, не слесарь, вон, какие они у тебя белые, ни одной мозоли; молоток-то, поди, не знаешь, как держать. Зачем тебе инструмент мой понадобился, говори!

Дед Степан уже почти кричал в полный голос.

– Тётка у тебя такая хорошая, Танька-то, добрая, порядочная, а ты, паскудник, с чего за воровство-то взялся?

Кирилл заскулил:

– Мать у меня сильно болеет, на лекарства не хватает, плоха совсем, вот я и подумал, что продам инструмент ваш и лекарств ей куплю. Простите меня, дед Степан, я больше не буду. Мамку больно жалко, как я без неё...

– Маринка помирать собралась? – встряла в разговор баба Света. – Я вчера с Танькой виделась, ничего она такого не говорила, что Маринка сильно болеет. А если так, то почему же ты не у постели матери, а тут, в гостях прохлаждаешься?

Парень промолчал, и старик зло сплюнул:

– Да, Кирилл, совсем ты без стыда, без совести. Я ж к тебе, как к человеку, Стешку, вон, спровадил, чтобы она про тебя худое по всей деревне не разнесла, а, наверное, зря. Ты

даже мать готов на словах похоронить, лишь бы выкрутиться. Не стыдно тебе?

– Бедная Танька, стыд-то какой! – добавила баба Света.

Кирилл вновь исподлобья зло глянул на стариков.

– Чего зыркаешь-то, бесстыдник! – покачал головой дед Степан. – Давай, парень, так: ты мне сегодня же весь инструмент вертаешь назад, и я никому ничего не скажу. Сюда ты больше не сунешься, познакомился уже с Дружком-то с нашим, а услышу, что у кого-нибудь что-то пропало, тогда пощады не жди, ославлю на всю деревню. Вон, Стешке только заикнусь, она уж расстарается. Нос на улицу не сможешь высунуть ни ты, ни Танька. Совесть-то поимей, ты уедешь, а тётке твоей здесь жить. Понял ли?

Кирилл быстро закивал, не поднимая глаз.

– Простите, дед Степан, баба Света.

– Чего в глаза-то людям не смотришь? – спросил, нахмурившись, старик. – Ладно, давай иди, пока не передумал.

Он распахнул калитку, приглашая Кирилла на выход, и тот не заставил себя упрашивать.

Глава 6

– Да уж, вот он, город, что с людьми делает, – покачала головой баба Света. – Такой малец был улыбочивый да добрый. Помню, приезжали они с Маринкой к Таньке в отпуск; сколько же ему тогда было? – лет пять, наверное... Всё прибежал ко мне за вишней. А что из него выросло? Молодой совсем, а уж скурвился начисто. Не верю я что-то в его раскаяние, вот не верю, попался просто на жареном.

– Без стыда парень, без стыда, – согласился дед Степан. – Таньку жалко, хорошая баба, а Маринку не помню совсем, уехала она тогда сразу после школы и вот какого сыночка вырастила, с гнильцой...

Старики одновременно горестно вздохнули.

– А Дружок-то каков? Вот уж подмогнулнам, вора поймал! – оживился дед. – Не зря ты ему такую вкусную кашу сварила, отработал на все сто процентов.

– Да уж, просто молодец. Пойду открою охранника нашего, – заторопилась баба Света.

Выпустив Дружка, она присела на крыльцо. Дед Степан вынес из ледника большую косточку и протянул собаке:

– На, погрызи, заслужил.

Пёс аккуратно взял кость из его рук и, подойдя к крыльцу, улёгся с угощением возле ног бабы Светы.

– Доверяет, – усмехнулся старик, – ишь, всё поближе к те-

бе норовит лечь.

– Да уж, это тебе не коза, – ответила польщённая баба Света и, наклонившись, погладила Дружка по спине. – А где наша Муська, интересно? Что-то я ни вчера, ни сегодня её не видела.

– Да и я не видел, – ответил дед Степан, присев рядом с женой. – На сносях она, может, окотилась уже где? Явится скоро за молоком, куда денется.

– Дружок-то её не напугает? Пугливая она у нас, может, потому и не приходит, что он здесь?

– Это Муська-то пугливая? Ты ничего не напутала? Видел я, как эта «пугливая» Дружка Пантелеевны по морде лупила, и как он без глаз-то не остался, просто чудом.

– Так то Дружок Пантелеевны, а то наш, она же ему на один зуб, – беспокоилась баба Света.

– Да ладно тебе, не нагнетай. Наша Муська себя в обиду не даст, уживутся как-нибудь, коз же он не обижал? Надо ему только показать, что Муська тоже наша, не приبلудная, чтобы знал.

– Ну, ты у меня просто дрессировщик! – засмеялась старушка. – Вон как сегодня Дружка в сарай направил; я уж и не знала, как его увести, а ты сказал – он и пошёл, как шёлковый.

– Да уж, я и сам не ожидал; умный пёс, с понятием.

Где-то в семь вечера баба Света начала беспокоиться. Она с пяти часов всё поглядывала на улицу, ожидая деда Петьку

со стадом, но его до сих пор не было.

– Слышь, Стёп, где же Петька-то с козами? – обратилась она к мужу. – Время уже сколько, давно пора бы ему вернуться. Не случилось ли чего?

– За малахольного своего переживаешь? Скоро объявится, куда он денется, – проворчал дед Степан, проверяя, как заточена коса.

– Да не за Петьку я переживаю, а за коз. Опять, верно, наша Катька чего-нибудь отчебучила. Помнишь, как Гришка два часа за ней гонялся? Ох, и матерился он тогда! Чую я, что это, не иначе, Катька жару даёт.

Дед Степан отложил косу.

– Да, было дело, помню. Говорю же, коза эта такая шепутная да норовистая, что сам дьявол.

– Я пойду в огород, огурцы дополиваю, а ты уж встретить их.

– Иди, иди, не бойсь, встречу.

Баба Света пошла на огород, а дед Степан снова взялся за косу.

Через некоторое время за забором раздался Петькин крик:

– Светка, Степан, выйдите-ка!

– Что-й там случилось-то? – подскочил дед Степан и, бросив косу, выбежал на улицу.

Дед Петька, злой как чёрт, стоял посередине дороги; в руках он держал конец верёвки, а другой конец был обвязан вокруг шеи их козы Катьки.

– Степан, чтоб я эту вашу полоумную Катьку больше у се-

бя в стаде не видел! – закричал он, сверкая глазами. – Паси её сам, никакой управы на неё нет. Все козы как козы, а этой вечно неймётся. Умелась сегодня куда-то, да Варьку Пантелеевны с собой увела. Пришлось стадо бросать и их искать, хорошо, все не разбежались... Не вводи в грех, а то ведь сам её прибью!

– Чего разошёлся-то, понял я, дурная она, знаю, а ты...

Дед Степан прервал начатую фразу и с удивлением уставился на Петра. Тот вдруг, побелев, застыл на месте, глаза его расширились, в них был ужас.

– Петька, ты чего? Горячка тебя, что ли, догнала? – не на шутку перепугался дед Степан.

– Сзади... сзади... – прохрипел Пётр. – Обернись, только медленно.

Дед Степан, почувствовав холодок в груди, медленно обернулся. За его спиной стоял Дружок и внимательно, не отрываясь, смотрел на вытянувшегося в струнку Петра.

– Так это Дружок наш, – облегчённо вздохнул он. – Светка вчера привела, теперича у нас живёт. Это я, наверное, калитку не прикрыл, когда выскочил на твой крик, вот он и вышел. Чего застыл-то?

– Забери свою козу, – шёпотом сказал Пётр и выпустил конец верёвки из рук. – Быстрее.

Он легонько оттолкнул Катьку от себя; она, отойдя шагов на пять, развернулась и, наклонив голову, с разбегу боднула его в ногу, затем, видимо, совсем ошалев, поскакала вдоль

улицы.

– Вот же зараза! – вскрикнул дед Степан и бросился вдогонку за козой. За ним потрусил Дружок.

Катька вдруг остановилась как вкопанная, потом, мотнув головой, начала боком скакать на одном месте. Пока она выписывала свои кренделя, к ней не спеша подбежал Дружок. Обогнав, он перекрылей дальнейший путь и остановился.

Коза, заметив его присутствие, завершила свои прыжки и замерла. Пёс сделалк ней шаг, и она опрометью бросилась бежать от него в направлении своего дома. Тот двинулсяследом, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее.

Когда коза поравнялась с дедом Степаном, он попытался её перехватить, но Катька, увернувшись, пронеслась мимо.

Дед Пётр, успевший сделать лассо из верёвки, прицелился и ловко накинул его на шею беглянки. Катька упрямо рвалась скакать дальше, но пастух крепко держал свой конец верёвки.

– Попалась, мерзавка! – торжествовал он.

Передав верёвку подоспевшему деду Степану, он, матерясь и потирая травмированную ногу, добавил:

– Вот же дьяволица... Я бы на твоём месте зарезал бы её давно, это же светопреставление какое-то, а не животное. Такой скверный нрав, такой злобный, просто диву даёшься.

– Да уж, вся в папаньку своего, Борьку, тот-то уж точно – исчадие ада, никому проходу не даёт; как с ним Семёновна управляется, ума не приложу, – ответил, пытаясь отдышаться.

ся, дед Степан. – Вот ведь пробежку мне устроила, поганка.

Глава 7

– Где Светка алабая-то тут у нас нашла? – спросил, заку-
ривая, дед Пётр.

– Какогоалабая? – не понял дед Степан.

– Какого, какого, вот этого, – показал тот глазами
на Дружка, который, подойдя к стаду, улёгся на траве,
не спуская с него глаз.

– Дружок его зовут, что за алабай, не понимаю, – пожал
плечами старик и, сунув папиросу в рот, начал хлопать себя
по карманам в поисках спичек.

Пётр достал зажигалку, выбил огонь и поднёс ему:

– Дружком это вы его назвали, а алабай – это собачья
порода. То есть Дружок ваш – алабай, видел я таких псов,
по Рассее-то поносило меня.

Степан, зыркнув из-под бровей на Петра, чуть помедлил,
но всё же прикурил от предложенной зажигалки.

– Алабай, говоришь? Я думал, собака и собака, просто
большая очень. Раз порода у него есть, значит, не на дороге
родился, откуда ж он взялся-то у нас?

– Вот не знаю, в городах много собак, брошенных без при-
смотра, шляется, и пород, каких хочешь, а чтобы здесь... –
пожал плечами Пётр. – Может, кто-то завёз в лес да бросил,
он и прибрёл к нам сюда.

– Как это, привёз и бросил? – удивился дед Степан. –

Это ж как такое возможно – живую душу на погибель оставлять?

– Ох, Степан, просидел ты тут в деревне всю жизнь, козёл Борька у тебя – самый страшный злодей, а я вот насмотрелся всякого, на что люди-то способны, не приведи господи.

Оба тяжело вздохнули.

– Ну, алабай так алабай, – туша окурок сапогом, сказал дед Степан. – Пёс хороший, умный и помощник вон какой, так что алабай он или нет, для нас без разницы, да и Светка к нему прикипела. Дружат они, – усмехнулся он.

– Я тебе к тому, что порода эта – пастушья. Она и выведена для того, чтобы коз и овец пасти. Видел, как он твою полоумную Катьку-то развернул? А сейчас, смотри, что делает, – Пётр показал рукой на приглядывающего за стадом Дружка. – Или, думаешь, это случайно вышло?

Дед Степан посмотрел на Дружка, не спускавшего глаз с коз и овец, и почесал в затылке.

– И чо? – спросил он.

– Чо-чо, ты когда пастушить-то пойдёшь?

– Через неделю моя очередь, в среду, получается.

– Так возьми его с собой, Дружка-то вашего, и посмотришь, далеко ли твоя суматошная Катька от стада ускачет, если её раньше, конечно, никто из мужиков не прибьёт, бес-толочь эту, – сплюнул себе под ноги Пётр. – Я тебе дело говорю.

– Ну, поглядим, он, похоже, старый, или больной, хо-

дит-то не очень, куда ему за Катькой угнаться, – засомневался Степан.

– Да не такой и старый, вроде, просто худой, так откормите за неделю как раз, я вам ещё косталык-то притащу, козу свою резать собираюсь, так и откормим потихоньку, – хлопнул его по плечу Пётр. – Не сумлевайся.

– Дед Степан, а дед Степан! – послышался неуверенный голос.

Старики обернулись и увидели Кирилла, который опасно косился на Дружка, не решаясь подойти ближе. В руках у него был пакет с чем-то явно тяжёлым.

Заскрипела калитка, и из соседнего дома вышла Стешка. Присев на скамейку, она начала лузгать семечки, с интересом поглядывая на компанию, собравшуюся на улице.

– Вот принёс я, что обещал, – сказал Кирилл и прислонил пакет к забору.

Стешкины глаза заблестели.

– Принёс? Ну, добре, помни наш уговор, – недовольно косясь на неё, сказал дед Степан. – Иди уж, сам заберу.

Парень кивнул и поспешил удалиться.

– Чего он там тебе притаранил? – послышался голос Стешки.

– А тебе-то что? – нахмурился он.

– Да просто интересно, что за дела у тебя с Танькиным племянном, – безостановочно лузгая семечки, ответила та.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – парировал

старик.

– Ну да, ну да, тайны всё какие-то у вас, – съязвила Стешка.

Взгляд её стал задумчив, видно было, что она лихорадочно пытается сообразить, что же скрывают от неё сосед с Кириллом.

– Ладно, пошли мы, тебя уже хозяйки заждались, – кивнул дед Степан пастуху и пошёл за оставшимися четырьмя козами.

– Чего тут было-то? – попытала счастья Стешка, подойдя к деду Петру.

– Чего было, того уж нет, – сплюнул тот и, достав из-за пояса кнут, отошёл от неё.

– Вот черти! – с досадой сказала та, но, увидев приближающихся козами деда Степана и Дружка, быстренько нырнула в свой двор и закрыла калитку на щеколду, будто её тут и не было.

Почти всю ночь она не сомкнула глаз, ворочаясь с боку на бок; разные мысли не давали ей покоя. Чужало её сердце, что у её соседей Козаковых существует какая-то тайна, о чём-то они сговорились с Танькиным племяшом, а вот о чём – это было ей неизвестно. Для Стешки же осознание того, что от неё утаивают какую-то информацию, хотя бы её и не касающуюся, было невыносимо.

«Что же они там затеяли, что за пакет Кирилл припёр деду Степану и что во дворе у него делал? Какие, вообще, у них

могут быть общие дела? А пёс этот страшный, откуда он свалился и что у них делает? – задавала она себе вопросы, но ничего путного в голову не приходило. – И всё тайком, тайком от меня, и дед Пётр туда же. Прямо заговор какой-то, вот уж точно, семейка Старков...»

Отэтой полной неизвестности она не могла найти себе места; и, так и не уснув, встала спозаранку с твёрдым намерением разузнать всю правду, чего бы это ей ни стоило. А если уж Стешка закусил удила, то её и летящий на всех парах поезд не остановит...

Глава 8

Тем временем, дед Степан и баба Света даже не подозревали о том, что над их головами сгущаются тучи, нагоняемые Стешкиной мстительной рукой.

Утром баба Света, перекрестившись, отправила своих коз на выпас. Завязала у Катьки на шее верёвку и попросила Егорыча, который в этот раз был за пастуха, сразу же привязать егозу к какому-нибудь колышку, чтобы та опять чего не отчебучила.

Дед Степан ушёл на луг косить траву, а баба Света возилась в огороде, оставив Дружка сторожить дом. Пёс лежал недалеко от сарая и, положив голову на передние лапы, жмурился на солнце. Он был сыт, и его неудержимо клонило ко сну, но даже в таком полусонном состоянии он бдительно следил за всем, что происходило во дворе, который уже считал зоной своей ответственности.

Услышав какой-то шорох, пёс приоткрыл один глаз и увидел, как под забором с улицы пролезает серая пушистая кошка. Вид у неё был довольно боевой: жёлтые горящие глаза и драное ухо – память о буйных ночных гулянках.

Дружок, не шевелясь, наблюдал за незнакомкой. Она направилась было к кухне, но, увидев в своём дворе чужую собаку, приостановилась. Зрачки её глаз сузились, и она, выгнув спину дугой, злобно зашипела. Это был явный вызов,

перчатка была брошена.

Дружок привстал и сделал шаг навстречу. Он не испытывал особого желания связываться с этой воинственной кошкой, но и молча снести оскорбление тоже не мог. Обычно пары шагов и взгляда исподлобья хватало для того, чтобы потенциальный противник покидал поле боя, спасаясь бегством. Но Муська – а это именно она вернулась к себе домой, – была не из трусливых, да и кто посмел бы на её территории против неё пальчики свои растопыривать? Характером Муська пошла в своего отца, одноглазого Ваську, который когда-то жёстко держал всех окрестных кошек и собак в своей пушистой, но когтистой лапе. Свиреп был этот кот и беспощаден, не шёл ни на какие компромиссы и ни перед кем в реверансах не раскланивался. Без предупреждения и без малейших колебаний наносил один точный и безжалостный удар прямо по носу или по глазам противника, и тот, завывая от боли, убегал, поджав хвост, потом уже всегда обходя задиру стороной.

Вот и его верная дочь Муська, замерев в ожидании, когда этот пёс подойдёт поближе, собралась уже раз и навсегда, одним метким ударом поставить его на место, чтобы впредь знал, кто тут колоду раздаёт.

Почувствовав агрессивный настрой пушистой бести, Дружок приостановился. Он не был готов к выяснению отношений, тем более к драке с этой воительницей. Была у него когда-то в детстве встреча с одной чёрной кошкой, после

которой он навсегда усвоил, что важен не столько размер, сколько боевой настрой противника. А уж его-то у этого маленького серого хищника, видимо, хватило бы и на десятир-ых.

Почувствовав его сомнения, Муськаприготовилась к наступлению, но услышала голос бабы Светы:

– Что это вы тут делаете? Познакомились уже? Мусенька, ты где была-то? Пойдём, я тебе молочка налью.

Утратив вдруг всю свою агрессию, та выпрямила спину, нонапоследок, не сводя глаз с Дружка, прошипела ему что-то оскорбительное. Оставив за собой, таким образом, последнее слово, Муська, мигом преобразившись в милую кошечку, подбежала к бабе Свете и начала тереться об её ноги, нежно мурлыча и победоносно поглядывая на собаку.

Дружок с удивлением наблюдал за этой метаморфозой, затем, вздохнув, вернулся к сараю.

Баба Света пошла на кухню и вынесла блюдечко со свежим утренним молоком. Кошка вылакала всё до капли и, потираясь головой о ноги хозяйки, поблагодарила за угощение.

Старушка взяла её на руки и присела на крыльцо.

– Ты, вижу, уже опросталась? И где твои котята? – спросила она мурчащуюгромко, как трактор, Муську. – Опять, поди, в палисаднике гнездо себе устроила? Перетаскает вороньё твоих котят, не раз уж так бывало, давай лучше их в сарай перенесём, Дружок-то и присмотрит за ними, в обиду точно не даст.

Кошка продолжала как ни в чём не бывало мурлыкать на руках у бабы Светы.

– Какая же ты мать после этого? – со вздохом спросила её хозяйка. – Ехидна ты, а не мать. Опросталась, детей скинула куда-то в кусты, а сама поминай как звали. Пойдём, говорю, котят своих покажешь.

Смахнув кошку с колен, старушка направилась к палисаднику. Приоткрыв калитку, она зашла внутрь и стала искать котят среди кустов смородины. Муська, задрвав хвост, следовала за ней по пятам.

Там-то и нашла её неугомонная соседка.

Глава 9

Подёргав калитку и убедившись, что она закрыта и Дружок не выскочит на улицу, Стешка подошла к бабе Свете, решив для себя, что на этот раз без информации не уйдёт.

– Ой, тётка Света, ты чо там потеряла? – запела она.

Старушка от неожиданности даже подскочила.

– Фу ты, напугала! Нельзя так к людям-то подкрадываться, – схватилась она за сердце.

– Ой, прости, не хотела тебя пугать, шла мимо, смотрю, ты тут рыщешь в кустах, подошла просто поздороваться.

Стешкины глаза бегали по сторонам, она не могла сдерживать любопытство и пыталась заглянуть собеседнице за спину, думая, что та от неё что-то прячет.

– Ну, поздоровалась уже, шагай дальше. Кто из нас тут рыщет, ещё большой вопрос, – проворчала баба Света и, повернувшись к нахалке задом, снова углубилась в кусты.

Но уж если Стешке приспичило что-то узнать, от неё так легко было не отделаться.

– Ты там зарываешь что-то, или откапываешь? – перевесившись через ограду, она пыталась разглядеть, чем там занимается её скрытная соседка.

– Клад ищу, – послышался из кустов голос бабы Светы.

– Что за клад? – тут же заинтересовалась та.

– Да вот, нашла уже.

Баба Света вылезла, наконец, из зарослей смородины и показала трёх крошечных котят.

– Муськанаша родила тут в кустах, вот и клад. Тебе надо? – протянула она соседке одного котёнка.

– Не-е, у меня этого добра своего хватает. Латка на днях шестью окотилась, не успела их притопить, теперь тоже обогатилась.

– Вот и Муськанаша в кустах детей прячет... Ладно, пошла я, а то у меня там каша сгорит.

Стешка, не желая упускать ускользающий от неё источник информации, решила прибегнуть к старому, как мир, приёму – лести.

– Тётя Света, пёс-то ваш какой замечательный, не видела никогда таких красавцев. Откуда он у вас?

Старушка, приоткрыв было калитку, тут же её захлопнула и повернулась к соседке. Она была рада поговорить о Дружке даже с ней.

– Ой, Стешка, приبلудился давеча, шла из сельмага и встретила его на тропинке. Лежит такой несчастный, голодный, жалко мне его стало, вот домой и привела. А Степан-то, Степан – сначала подумал, что он съесть меня хочет, а потом и я... – захихикала баба Света, вспомнив сцену в хлеву.

– А... – хотела что-то вставить Стешка, но рассказчицу было уже не остановить.

– Пёс-то какой замечательный, просто не нарадуемся

на него. Вчерась так нам помог, так помог – и Катьку нашу домой вернул, и вора Кирюшку поймал... – тут баба Света осеклась, сообразив, что проговорилась, и замолчала.

– Так это Танькин племяшвас обносил?.. – Стешкины глаза победоносно блеснули. Она была в восторге и еле удержалась, чтобы не закричать: «Бинго!!! Вот оно!».

Стешка торжествовала. Значит, племянничек этой заносчивой Татьяны – вор?! О такой удаче ей даже не мечталось. Давно уж она точила на Таньку зуб, и вот, наконец... Ну, уж теперь-то она свой шанс не упустит, поквитается с этой занудой!

Баба Света не могла не заметить торжествующего блеска в глазах соседки и испуганно засуетилась:

– Стешка, ты это, не говори никому. Степан обещал парнишке-то, вернул тот всё, как есть.

– Так это Кирилл вчера пакет с наворованным добром принёс? Неплохо он поживился у вас. Ясенько... – протянула она, но эта последняя информация была для неё уже не столь важной.

– Стешка, я тебя, как человека, прошу, молчи, – старушка схватила её за рукав.

– Да что ты, что ты, я – могила, – голос той звучал отстранённо, настолько она была поглощена своими мыслями.

Баба Света в сердцах махнула рукой и вернулась во двор. «Вот же дура старая, проговорилась, – ругала она себя. – Ославит теперь парня-то на всю деревню, да и Таньке доста-

нется, не любит её Стешка, ох как не любит...»

Расстроенная, она присела на крыльцо и чуть не расплакалась, ей было очень досадно, что эта проныра с такой лёгкостью её провела.

«Стёпка-то разозлится, он же слово дал Кириллу, а я растрепала всё, как же так... Чует моё сердце недоброе...» – не могла найти себе места баба Света.

Котята у неё на руках тыкались носами в ладони, и, немного успокоившись, она пошла обустроивать их в сарае.

– Муська, иди со мной, где ты? – окликнула хозяйка кошку, но той и след простыл.

– Вот же лиходейка, смылась уже куда-то, – покачала головой баба Света и, разместив котят в самом дальнем углу, позвала собаку:

– Дружок, подь сюда!

Пёс зашёл в сарай и подошёл к ней.

– Смотри, это Муськин приплод, скоро мамка ихняя вернётся – покормит, а ты уж, будь добр, пригляди за ними пока. Может, и выживут, если Муська про них не забудет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.